

*Авторы благодарят Игоря Осипова
за неоценимую помощь в работе над книгой,
образы ИО начальника колонии и зама по БОР,
а также описание первого дня,
когда все закончилось и...
началось.*

ПУСТОТА

(вместо пролога)

14 октября 2014 года

— Па-ап!

Снова этот голос. Детский, пронзительный. Звенит со всех сторон сразу. Словно я брожу по лабиринту кривых зеркал, где все — даже запахи и звуки — преломляется, искажается, перекашивается, а потом бессильно оплывает, будто воск по тоненькому боку свечи...

Свеча тает неумолимо, как и твоя жизнь, жмуридзе.

Озираюсь.

Меня окружает вязкая, тягучая Хмарь. В этот раз настолько плотная и густая, что я с трудом различаю пальцы вытянутой руки. Хмарь клубится вокруг перчатки. Шевелится, словно в замедленной съемке. Тяжелыми каплями оседает на поцарапанном стекле самодельной маски. Тонкими дымными щупальцами проникает сквозь дыхательный фильтр, стараясь забраться в самую душу и высосать ошметки того, кого я считаю собой. На сколько еще меня хватит?

ИГОРЬ ВАРДУНАС, ИРИНА БАКУЛИНА

Перед глазами пульсируют алые пятна, словно распускаются и сразу же увядают огромные цветы. С трудом вспоминаю, что видел такие давным-давно, до Катастрофы. Точно, это тюльпаны, алые тюльпаны с черной сердцевинкой.

Тут в латаной рифленой трубке, ведущей от маски к рюкзаку за спиной, что-то тонко пищит, и я чувствую... Сетка-фильтр прохудилась, вот черт! Состояние тупого созерцания сносит приливом холодного ужаса. Бросаю щуп из довоенной лыжной палки, срываю на воротник маску. Выплюываю мерзко шевелящуюся мушку, втягиваю воздух сквозь зубы. Ох и повезло же, что не проглотил!

Когда-то давно умница Мичурин придумал так называемую «дыхалку», ведь годных респираторов оставалось совсем немного, а в рейды без них или запаса кислорода надолго ходить — натуральное самоубийство. Гниющие болота свободному дыханию, то есть без периодически накрывающих галлюцинаций, не способствуют, а уж про Хмарь и говорить нечего.

В общем, «дыхалка» — это девятнадцатилитровая пластиковая бутылка из тех, которые раньше по офисам развозили, наполовину заполненная землей и крепкой настойкой неведомой разлапистой зелени. Как раз на рейд кислородом подышать. Но иногда в этом мичуринском «компосте», пусть и не один раз просеянном и процеженном, попадались страшные как злобные насекомые. Не чета довоенным клопам с тараканами, которых тогда многие опасались. Даже дальневосточные клещи или какие-нибудь

МЕТРО 2035: КЛЕТКА

мухи цеце на фоне нынешних пакостных мутантов оказались настоящими паиньками.

До фильтров, разумеется, быстро додумались, но первое время, когда в бутылки или шланге что-то начинало гундеть или шебуршать — ух как страшно было. Однажды Карапетов глотнул такое и чуть не задохнулся, еле доволокли, все зелеными букашинами кашлял. Как прокашлялся, дня три вроде и ничего было: повеселел, на работу в мастерскую со всеми вернулся. А потом из него какая-то хрень посреди бела дня полезла. Взломала череп, верещала, булькала зеленым. Еле забили то, во что превратился обезумевший, слепо метавшийся по столовой бедолага...

Мичуринским девчонкам тогда влетело по первое число: как так получилось, что сырье плохо промыли? Девчонки терпели, кусали губы, а потом взорвались: вскочили, руками замахали, заголосили сквозь слезы, мол, а вы чего хотели, кто обещал к теплицам обогрев провести и воду пустить? Почему они в холодной воде работать должны, которую им же еще и натаскать надо? Почему нужно было кому-то сдохнуть, чтобы все устроили как следует? В общем, начальство таки пробрало, и девчонкам действительно все сделали по первому разряду. А Мичурин, освобожденный от всех иных работ, тут же обнаружил какую-то интересную травку, от которой любая насекомовидная пакость дохла сразу, только в путь. Однако даже у самых лихих мужиков, надевавших заготовленный баллон, все равно каждый раз под ложечкой екало. Смерти мало кто боялся, давно уже свыклись с ее смрадным дыханием, кое-кто годами костлявую ждал, но... по

ИГОРЬ ВАРДУНАС, ИРИНА БАКУЛИНА

такой дорожке, протоптанной Карапетовым, торопиться желающих не было.

Так, к черту. Надо переключиться... А пахнет сегодня вкусно: то ли подорожником, то ли крапивой. Девчонки только вчера теплицы обошли, вот и настой залили свеженький, душистый. Как будто легкий дождик прошел. Хоть кипяток добавляй да чай гоняй.

На контрасте воздух в Хмари — удушливое говно, вязкими слизнями ползущее в ноздри. Ладно. Чуть постоять, вдох-выдох, вдох-выдох, само отпустит.

— Папа!

Трясу головой, хмыкаю: да ладно! Морок, бред.

Мою Полинку погубили еще до Катастрофы, а у остальных лебедей, вышедших сегодня в очередной рейд, отпрысков никогда и не было. Или они об этом знать не знают. Дети сейчас есть только у вольных и у тех, кто из конвоя. Ну и у граждан начальников, которые в Хмарь не ходоки. Мы тоже не рвемся, разумеется, только иногда возникает ситуация, когда надо. И в этом случае все просто: «Встал и пошел». А бывает, как в этот раз. Обычный поиск, обычные лебеди и обычный конвой, вот только Хмарь сегодня необычная. Слишком быстрая. Хитрая и опасная. Удрать не успели, моментом накрыла.

— Э-эй! — ору я в этом чертовом Нигде.

Словно издеваясь, в лицо ударяет холодный сырой ветер, на пару секунд отгоняя липкий туман. Меня окружает лишь волглая грязно-рыжая трава по колено. Твари отстали. Или мы все же смогли перебить эту стаю начисто? Я на таком взводе, что мне плевать,

МЕТРО 2035: КЛЕТКА

если привлеку еще каких-нибудь зверюг. Хоть что-нибудь, хоть какое-то движение, ну пожалуйста... Но вокруг лишь медленно клубится туман, обволакивает, глуша звуки и давя эхо в зародыше. Я словно жук в спичечном коробке, набитом ватой.

— Шпунт! Герыч, Сла...

Горло перехватывает, я кашляю и бессильно умолкаю. Надо возвращаться на Остров, но как? Стрелка на компасе дрожит и пляшет, словно издеваясь. Вокруг белесое марево. Надо мной — тоже. Борода пропиталась маслянистой влагой с душным запахом, хоть выжимай. Под ногами хлюпает жижа. Куда же я забрел? Опускаю голову. Ноги ниже колена поглотила серость, ничего не видно. Приседаю, неловко шарю свободной рукой в поисках брошенного щупа. Примятая ржавая трава, напоминающая прокисшие макаронны. Пальцы захватывают что-то небольшое, твердое. С удивлением вижу на своей ладони новенький блестящий болт. Как это вообще возможно?

— Папа, ты здесь?

Дрожащий, испуганный детский голос.

Собираю побольше слюны. Плевок мгновенно скрывается из виду, растворяясь в белесом ничто. Нет уж, меня не обманешь. Не заманишь, не сожрешь. Я стреляный воробей, пуганый лебедь с крыльями в крови, поняла, тварь?!

— Да болт я на тебя клал, сука! В сто раз больше этого!

Грозно трясую в никуда кулаком с зажатым в нем болтом.

Тишина.

ИГОРЬ ВАРДУНАС, ИРИНА БАКУЛИНА

Перевожу дыхание. Взгляд падает на обрубок троса, конец которого привязан к моему болтающемуся на ремне карабину, пятнистому от ржавчины, словно далматинец. Поднимаю, подношу к глазам. Срез косою, но ровный — не пилили и не грызли вроде... Отрезал кто? Да почувствовал бы. Хотя в Хмари все мысли и ощущения в мгновение ока вставали с ног на голову, выворачивая тебя наизнанку, сколько ни сопротивляйся. Но я ведь вроде никому дорожку не перебежал. Или не заметил просто? Предать сейчас — как от шоколадки откусить.

Шоколад.

Звяк, звяк...

Дозвякался.

А ведь я не ощутил ни толчка, ни натяжения, вообще ничего. Меня словно мягко отделило от остальных в момент, когда из ниоткуда поперли зверюги. В Хмари ведь лучше не разделяться, вот и ходим в рейдах на веревочке, как детсадовцы, и перекличка каждые пять минут. Малейшее натяжение означает, что ты удалился на опасное расстояние от напарника и лучше поторопиться. Трос, мертвой змейкой провисающий до земли, — идеален. Твари появились мгновенно, бесшумно. Словно призраки, на короткое время обернувшиеся существами из плоти и крови, а теперь их растворила, вобрала, всосала в себя Хмарь, вот уже почти год караулящая Остров уцелевших лебедей в надежде сожрать всех до последнего...

Давишь, сволочь? А вот хрен тебе!

Вдох.

— Эй, кто-нибудь! Деша! Карбид!

МЕТРО 2035: КЛЕТКА

Вязкая тишина.

Хмари все равно. Ей плевать.

— Да где вы все?!

Задумчиво смотрю на мачете с засохшими густосиними подтеками. На отполированную ладонью рукоять автомобильной коробки передач в виде пистолета. Экзотика, в прошлой жизни на каком-нибудь «Бентли», небось, стояла. Хотя откуда у нас «Бентли». Просто япошка, «бимер» или «мерс», у хозяина которого гонор через край хлестал. Жаль, хромированную нержавейку и деревянные вставки пришлось обмотать черной изолентой, зато лезвие зачетное — высоколегированная сталь! ПВХ да железу, если о них заботиться, как и Хмари, все нипочем.

Щелк-щелк, щелк-щелк.

Перехватив ручку, безмянным пальцем нажимаю на декорированный спусковой крючок, превращенный теперь в нечто наподобие набалдашника. Засадишь таким с разворота в лоб — и просим к черту в гости. Отличная штука, рекомендую.

Щелк-щелк.

Бездумно засовываю мачете в самодельные ножны. Поправляю лямки: опрешшая изнутри банка «дыхалки» и рюкзак ноша не ахти какая, но все же. Выбросить бы хабар, да вроде и не тяжело, найти успел всего несколько запчастей для гаража, набор масляных красок да куклу-карапуза с одним глазом и без руки, настолько страшную, что замотал в тряпицу и засунул на самое дно. Ну ничего, наши умельцы и руку из дерева выточат, и глаз сообразят, то-то малышня обрадуется. Из ценного

ИГОРЬ ВАРДУНАС, ИРИНА БАКУЛИНА

разве что прошлогодний апрельский «Космополитен» с совершенно целенькими пробниками — два крема для лица, два шампуня и маленький жестяной контейнер с четырьмя тампонами. Да, глянец — весьма стоящая штука! И женщинам почитать, и мужикам посмотреть, да еще и попадаются всякие помады и блески для губ, лосьоны и кремы, пакетики специй и кофе, иногда даже духи... За такой ништяк можно выходной на огороде или в мастерской получить, а то и магарыч какой от начальства, а уж особенно от их жен.

Нам, лебедям, шампунь по статусу не положен, обходимся продукцией нашего мыловаренного мини-цеха. Бабка Паша, хоть и под восемьдесят ей уже, так дело поставила, что в прежние времена неплохие деньги зарабатывала бы. Какое хочешь мыло сварит: и оранжевое на моркови, и зеленоватое душистое на крапиве и мяте. Грех жаловаться. Но вот Юрка, то есть врач Калинин, недавно с днем рождения меня поздравлял, так в пакете с подарками оказался пробник с шампунем. Знаю, реально порадовать хотел. Он же меня с детства опекал, словно старший брат, и в школе заступался, и на работу в свое время устроил, и на свадьбе моей гулял... Только у меня духу не хватило открыть тот пакетик. Снова почувствовать сладковатый запах «морской свежести» или долбаного алое... Это трупный запах. Химия бессмертна. Ей все равно, в каком ампула предстать перед нами — хоть в виде ароматного шампуня, хоть в виде говна, которое на нас сбросили в таком количестве, что из всего города только Остров и устоял. Да и волос у меня

МЕТРО 2035: КЛЕТКА

давно уже нет. Под вспревшей «вязанкой» привычная выскобленная черепушка.

Сколько я здесь? Смотрю на часы, добротные, механические. Их, как и оружие, выдают только рейдерам и держат под таким замком, под которым не прячет свою задницу обиженный Зюзя. Посеешь или сломаешь — таких звезд огребешь, что карцер раем покажется.

— Э-эй!

Бесполезно. Уже понятно, что не отзовутся.

Не слышат.

Тихий, отдаленный звук. Слева. Где-то там, далеко, в клубящемся влажном мареве неспешно бредет что-то огромное и неповоротливое.

Внезапно накатывает страх. Не от одиночества, а от нахлынувшего желания скорее оказаться... *дома*? А затем приходит чудовищный, животный ужас осознания того, что за *теми* стенами я в безопасности. Хотя любой другой душу бы продал, чтобы об этом даже не слышать.

Надеваю маску «дыхалки», нахожу наконец щуп и иду.

Под сапогами чавкает, хлюпает, приминается. Будто понаделали в планете дыр, вот и сдувается она потихоньку, как футбольный мяч.

Сполох.

Показалось? Маревое такое плотное, что лучи солнца редко проникают сквозь него.

Еще сполох.

Протираю маску запястьем, жду.

Вот снова, и потом все чаще и чаще.